

ПОСТКОВИДНЫЙ АНАЛИЗ АДМИНИСТРАТИВНОГО НОРМОТВОРЧЕСТВА СУБЪЕКТОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

М. С. Моргачёв

Воронежский государственный университет

POST-COVID ANALYSIS OF THE ADMINISTRATIVE RULEMAKING OF THE SUBJECTS OF THE RUSSIAN FEDERATION

M. S. Morgachev

Voronezh State University

Аннотация: приводится анализ административного нормотворчества субъектов Российской Федерации в период пандемии новой коронавирусной инфекции (COVID-19). Автор исследования обращает внимание на ошибки и недочеты в юридической технике, которые присутствуют в правовых актах органов государственной власти субъектов Российской Федерации, а также на необходимость точного определения оснований и пределов возможных ограничений прав и свобод граждан в условиях чрезвычайных ситуаций.

Ключевые слова: новая коронавирусная инфекция, повышенная готовность, чрезвычайная ситуация, ограничения прав и свобод человека и гражданина, разграничение полномочий, административное нормотворчество субъектов Российской Федерации.

Abstract: the article analyzes the administrative rulemaking of the subjects of the Russian Federation during the pandemic of a new coronavirus infection (COVID-19). The author of the study draws attention to errors and deficiencies in legal technique, which are present in the legal acts of public authorities of the subjects of the Russian Federation, as well as the need to accurately determine the grounds and limits of possible restrictions on the rights and freedoms of citizens in emergency situations.

Key words: new coronavirus infection, high preparedness, emergency situation, restrictions on human and civil rights and freedoms, delimitation of powers, administrative rulemaking of the subjects of the Russian Federation.

Всемирная организация здравоохранения объявила о завершении режима чрезвычайной ситуации в мире в связи с пандемией COVID-19. Об этом 5 мая 2023 г. сообщил глава организации Тедрос Адан Гебрейесус¹. Ранее Главный государственный санитарный врач Российской Федерации рекомендовал отменить ограниче-

ния, введенные для предотвращения распространения коронавирусной инфекции².

Пандемия новой коронавирусной инфекции (COVID-19) стала серьезным вызовом для всей мировой общественности, нанесла серьезный ущерб экономике стран, привнесла существенные коррективы в повседневный быт людей и, прежде всего, забрала огромное количество че-

¹ См.: Statement on the fifteenth meeting of the IHR (2005) Emergency Committee on the COVID-19 pandemic. URL: [https://www.who.int/news/item/05-05-2023-statement-on-the-fifteenth-meeting-of-the-international-health-regulations-\(2005\)-emergency-committee-regarding-the-coronavirus-disease-\(covid-19\)-pandemic](https://www.who.int/news/item/05-05-2023-statement-on-the-fifteenth-meeting-of-the-international-health-regulations-(2005)-emergency-committee-regarding-the-coronavirus-disease-(covid-19)-pandemic) (дата обращения: 10.05.2023).

© Моргачёв М. С., 2023

² Об отдельных положениях постановлений Главного государственного санитарного врача Российской Федерации по вопросам, связанным с распространением новой коронавирусной инфекции (COVID-19) : постановление Главного государственного санитарного врача Российской Федерации от 20 июня 2022 г. № 18. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

ловеческих жизней. По официальной статистике, на 15 мая 2023 г. в Российской Федерации за время пандемии выявлено 22 917 873 случая заболевания COVID-19, из них 398 919 человек погибло вследствие болезни³.

Распространение коронавирусной инфекции на территории Российской Федерации потребовало от государственных органов беспрецедентных мер экстренного реагирования, направленных на борьбу с распространением вируса и обеспечение безопасности граждан. В свою очередь, правотворчество субъектов РФ во время пандемии COVID-19 столкнулось с рядом проблем, которые были связаны с отсутствием единой стратегии по борьбе с пандемией на федеральном уровне, нехваткой законодательных механизмов для реагирования на новые вызовы, отсутствием единой системы мониторинга и контроля за соблюдением мер, принятых субъектами Российской Федерации, а также несогласованными действиями между федеральными и региональными властями, которые были вызваны необходимостью принятия оперативных мер.

Использование исполнительными органами государственной власти субъектов Российской Федерации так называемого режима повышенной готовности стало предметом острых научных дискуссий, так как позволило вводить ограничения социальных, экономических, политических и иных прав, прямо не предусмотренных в Федеральном законе «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера»⁴. В частности, были введены запреты и ограничения на проведение массовых мероприятий⁵, а также розничную торговлю в офлайн-формате и

оказание услуг населению⁶. Сторонники введения органами государственной власти субъектов Российской Федерации режима повышенной готовности отмечали законность и обоснованность введенных ограничительных мер в рамках данного «антиковидного» механизма. Например, Р. М. Дзидзоев указывает на законодательную возможность введения в указанном режиме «ограничительных мероприятий» и предлагает не отождествлять ограничительные меры, называя их мерами безопасности, с ограничением прав и свобод⁷. Министерство юстиции Российской Федерации также подтвердило законность используемых органами государственной власти субъектов Российской Федерации мер противодействия коронавирусной инфекции, указав в анализе практики применения нормативных правовых актов, принятых в целях борьбы с распространением новой коронавирусной инфекции на территории Российской Федерации, что «...введенные меры приняты в пределах компетенции соответствующих органов власти, безусловно отвечают конституционным целям охраны жизни и здоровья граждан и соразмерны угрозе распространения эпидемии на территории Российской Федерации. Они предопределяются степенью угрозы на территории каждого субъекта Российской Федерации, а также сопровождаются полномасштабной государственной поддержкой наиболее уязвимых сфер экономики, материальной поддержкой широких категорий граждан»⁸.

Противники использования режима повышенной готовности апеллировали к необходимости введения в стране чрезвычайного положения как единственно возможного и правильного способа реагирования на угрозу международного характера⁹. Например, И. А. Алебастрова

³ См.: Еженедельная сводка федерального штаба по заболеваемости, выписки и смерти за прошедшую неделю. URL: <https://xn--80aefpebagmfblc0a.xn--p1ai/information/> (дата обращения: 15.05.2023).

⁴ О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера : федер. закон от 21 декабря 1994 года № 68-ФЗ (в ред. от 14.04.2023). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁵ О введении в Московской области режима повышенной готовности для органов управления и сил Московской областной системы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций и некоторых мерах по предотвращению распространения новой коронавирусной инфекции (COVID-2019) на территории Московской области : постановление Губернатора Московской области от 12 марта 2020 г. № 108-ПГ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁶ О введении режима повышенной готовности : постановлению правительства Тюменской области от 17 марта 2020 г. № 120-П. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁷ См.: Дзидзоев Р. М. Права человека и пандемия коронавируса в России // Конституционное и муниципальное право. 2021. № 9. С. 33–36.

⁸ Информация Минюста России «Минюст России завершил работу по анализу практики применения нормативных правовых актов, принятых в целях борьбы с распространением новой коронавирусной инфекции». Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁹ См., например: Агальцова М. В. Самоизоляция : анализ законности конституционности антивирусных мер // Закон. 2020. № 5. С. 60–70 ; Винокуров В. А. Санитарно-

отмечает, что ограничения, применяемые государством, соответствуют режиму чрезвычайного положения, но никак не режиму повышенной готовности¹⁰.

Попробуем разобраться в этом споре. Правовыми основаниями для его введения явились положения Федерального закона «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера». Согласно п. 6 ст. 4.1 указанного закона режим повышенной готовности – это режим функционирования органов управления и сил единой государственной системы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций, используемый при угрозе возникновения чрезвычайной ситуации. Что же касается непосредственного указания далее в федеральном законе вводимых в рамках режима повышенной готовности ограничений прав и свобод граждан, то речь идет только об ограничении доступа людей и транспортных средств на территорию, на которой существует угроза возникновения чрезвычайной ситуации (подп. «а» п. 10 ст. 4.1), и о приостановлении деятельности организаций, оказавшихся в зоне чрезвычайной ситуации (подп. «г» п. 10 ст. 4.1). Однако подп. «г» может быть применен только в рамках режима чрезвычайной ситуации, так как зона чрезвычайной ситуации – это территория, на которой уже сложилась чрезвычайная ситуация. Более того, подп. «д» п. 10 ст. 4.1 предусматривает, что органы государственной власти при введении режима повышенной готовности

эпидемиологическое благополучие населения и новая коронавирусная инфекция : проблемы правового регулирования // Медицинское право. 2020. № 4. С. 9–19 ; Дорошенко Е. Н. Конституционно-правовые основы ограничения прав человека в связи с пандемией новой коронавирусной инфекции // Актуальные проблемы российского права. 2020. № 12. С. 48–56 ; Коновалов А. М. Законно ли введены режим повышенной готовности и последовавшие за ним ограничения прав и свобод на территориях субъектов Российской Федерации? // Государственная власть и местное самоуправление. 2020. № 7. С. 32–34 ; Кукса Т. Л. Чрезвычайное государственное регулирование распространения COVID-19 в России : бюрократическая логика принятия решений и медиализация повседневности в начале пандемии // Журнал социологии и социальной антропологии. 2020. Т. 23, № 4. С. 183–203 ; Романовский Г. Б. 2019-nCoV как гибридная угроза системе прав человека // Конституционное и муниципальное право. 2020. № 7. С. 34–38.

¹⁰ См.: Алебастрова И. А. У Конституции есть первоначальный грех, и наши власти решили согрешить еще // Закон. 2020. № 5. С. 14–18.

вправе «осуществлять меры, обусловленные развитием чрезвычайной ситуации, не ограничивающие прав и свобод человека и гражданина»¹¹. Резюмируя, можно сказать, что Федеральный закон «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» предоставляет органам государственной власти субъектов РФ полномочия на установление обязательных для исполнения гражданами РФ и организациями правил поведения в рамках режима повышенной готовности, но не определяет оснований, пределов или содержания возможных ограничений прав и свобод человека и гражданина, за исключением ограничения доступа на территорию, где возможно возникновение чрезвычайной ситуации.

Статья 56 Конституции Российской Федерации допускает ограничение прав и свобод человека с целью обеспечения безопасности граждан и защиты конституционного строя на основании федерального конституционного закона только в случае введения чрезвычайного положения с указанием пределов и срока действия данных ограничений¹². Федеральный конституционный закон «О чрезвычайном положении» перечисляет конкретные права и свободы, которые могут быть ограничены в условиях чрезвычайного положения, например, свобода передвижения по территории, на которой введено чрезвычайное положение; свобода финансово-экономической деятельности, включая свободу перемещения товаров, услуг и финансовых средств; свобода печати и других средств массовой информации; право собираться мирно, без оружия, проводить собрания, митинги, демонстрации, шествия и пикетирование; право на забастовку и др.¹³ Однако, как полагают некоторые авторы, существенным недостатком введения режима чрезвычайного положения является то, что вводится он толь-

¹¹ О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера : федер. закон от 21 декабря 1994 г. № 68-ФЗ (в ред. от 14.04.2023). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹² Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с изм., одобр. в ходе общерос. голосования 1 июля 2020 г.). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹³ О чрезвычайном положении : федер. конституционный закон от 30 мая 2001 г. № 3-ФКЗ (в ред. от 03.07.2016). Пункты «б», «з» ст. 11, п. «б» ст. 13. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

ко на основании указа Президента Российской Федерации и конституционно-правовые механизмы участия других органов государственной власти в принятии такого решения в случае бездействия Президента Российской Федерации отсутствуют¹⁴. Представляется, что при соблюдении определенных процедур и при наличии обстоятельств, связанных с распространением COVID-19, являющегося опасным заболеванием для общества, установление ограничений прав и свобод человека и гражданина в случае введения режима чрезвычайного положения было бы более законно и обоснованно с точки зрения действующего законодательства.

Одной из главных проблем данного периода стала нехватка законодательных механизмов для реагирования на новые вызовы, которые ставила перед собой пандемия. Например, п. 1 постановления правительства Брянской области № 106-п от 17 марта 2020 г. «О введении режима повышенной готовности на территории Брянской области» устанавливает, что режим повышенной готовности вводится с момента вступления постановления в силу, а именно с 18 марта 2020 г. на всей территории Брянской области¹⁵.

В то же время изменения в Федеральный закон «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера», которые позволяют признать обстановку на определенной территории, сложившуюся в результате распространения заболевания, представляющей опасность для окружающих, чрезвычайной ситуацией были внесены только 1 апреля 2020 г. Федеральным законом № 98-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций»¹⁶. Однако существенным моментом является тот факт, что согласно ст. 21 названного закона данный акт вступил в силу в день его официального опубликования, а именно 3 апре-

ля 2020 г., и обратной силы не имел. Таким образом, до апреля 2020 г. распространение коронавирусной инфекции, представляющей опасность для окружающих, не могла быть признана основанием для введения ограничительных мероприятий путем установления режима повышенной готовности.

В контексте отсутствия законодательных механизмов ограничения прав и свобод человека в период коронавирусной инфекции стоит также упомянуть постановление губернатора Самарской области от 22 октября 2021 г. № 258 «О комплексе мер по обеспечению санитарно-эпидемиологического благополучия населения в связи с распространением новой коронавирусной инфекции (COVID-19) на территории Самарской области»¹⁷. Данным постановлением было введено требование о предъявлении документа, удостоверяющего личность, и оригинала (QR-кода с единого портала государственных услуг) одного из следующих документов: сертификата профилактической прививки от COVID-19; сведений о перенесенном заболевании COVID-19 для допуска совершеннолетних граждан к посещению театрально-концертных и цирковых организаций, культурно-досуговых учреждений, кинотеатров (кинозалов), бассейнов, фитнес-центров, спортивных клубов, спортивных залов, фуд-кортков с общей посадкой для посетителей (без выделенных зон ресторанов) в торговых центрах. При этом на федеральном уровне 12 ноября 2021 г. Правительство Российской Федерации направило в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации законопроект об использовании QR-кодов в общественных местах и на некоторых видах транспорта¹⁸. 16 декабря 2021 г. данный законопроект был рассмотрен и одобрен в первом чтении. Однако 14 января 2022 г. принято решение отложить рассмотрение законопроекта во втором чтении, а уже 17 января того же года Совет

¹⁴ См.: Лебедев В. А. Конституционные основы ограничений прав и свобод человека и гражданина // Lex russica. 2017. № 1 (122). С. 130–139.

¹⁵ О введении режима повышенной готовности на территории Брянской области : постановление правительства Брянской области № 106-п от 17 марта 2020 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹⁶ О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций : федер. закон от 1 апреля 2020 г. № 98-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹⁷ О комплексе мер по обеспечению санитарно-эпидемиологического благополучия населения в связи с распространением новой коронавирусной инфекции (COVID-19) на территории Самарской области : постановление губернатора Самарской области от 22 октября 2021 г. № 258. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹⁸ О внесении изменений в Федеральный закон «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения» : законопроект от 12 ноября 2021 г. № 17357-8. URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/17357-8#bh_histras (дата обращения: 04.05.2023).

Государственной Думы единогласно принял решение снять с повестки законопроект об использовании QR-кодов.

Данные примеры показывают, что нормативная база для борьбы с пандемией коронавируса формировалась неорганизованно и неструктурированно. Произошло опережение принятия неправовых актов над правовыми, подзаконных актов над законными и регионального законодательства над общефедеральным, порядок реализации отдельных прав граждан был предусмотрен подзаконными актами¹⁹.

Конституционный Суд Российской Федерации называет правовое регулирование данного периода также «опережающим», т. е. при отсутствии соответствующих федеральных нормативных правовых актов²⁰. В то же время данный государственный орган считает, что опережающий характер нормативных правовых актов, изданных органами государственной власти субъектов Российской Федерации, не может служить основанием для вывода о признании этих актов в конкретно-исторической ситуации противоправными и противоречащими положениям Конституции Российской Федерации²¹.

Еще одной немаловажной и распространенной проблемой является расхождение между формой и содержанием в правовых актах высших исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации, которыми вводился режим повышенной готовности в субъектах Российской Федерации. Так, распоряжением губернатора Чукотского автономного округа от 16 марта 2020 г. № 100-рп «О введении режима повышенной готовности» на территории Чукотского автономного округа был вве-

ден режим повышенной готовности²². Данный правовой акт, с одной стороны, не является нормативным правовым актом, поскольку согласно п. 1 ст. 12 Кодекса о нормативных правовых актах Чукотского автономного округа губернатор автономного округа, правительство автономного округа в пределах своей компетенции издают нормативные правовые акты исключительно в форме постановлений²³, но, с другой стороны, отвечает всем существенным признакам нормативного правового акта, перечисленным в п. 2 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 25 декабря 2018 г. № 50 «О практике рассмотрения судами дел об оспаривании нормативных правовых актов и актов, содержащих разъяснения законодательства и обладающих нормативными свойствами»²⁴. А именно: он издан в установленном порядке губернатором Чукотского автономного округа, содержит правила поведения (например, п. 3 обязывает граждан, прибывших из государств с неблагоприятной ситуацией с распространением новой коронавирусной инфекции, обеспечивать самоизоляцию на дому на срок 14 дней со дня возвращения в Российскую Федерацию), обязателен для неопределенного круга лиц, носит длительный характер, рассчитан на неоднократное применение и направлен на урегулирование общественных отношений.

Схожая ситуация наблюдается также в распоряжении правительства Челябинской области от 18 марта 2020 г. № 146-рп «О введении режима повышенной готовности»²⁵, распоряжении губернатора Омской области от 17 марта 2020 г. № 19-р «О мероприятиях по недопущению

¹⁹ См.: Федотова Ю. Г. Реализация мер административно-публичного обеспечения социальной защиты граждан в условиях режима повышенной готовности // Социальное и пенсионное право. 2020. № 3. С. 3–7.

²⁰ По делу о проверке конституционности пп. 3 п. 5 постановления губернатора Московской области от 12 марта 2020 г. № 108-ПГ «О введении в Московской области режима повышенной готовности для органов управления и сил Московской областной системы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций и некоторых мерах по предотвращению распространения новой коронавирусной инфекции (COVID-2019) на территории Московской области» в связи с запросом Протвинского городского суда Московской области : постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 25 декабря 2020 г. № 49-П. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

²¹ См.: Там же.

²² О введении режима повышенной готовности : распоряжение губернатора Чукотского автономного округа от 16 марта 2020 г. № 100-рп. Доступ из информ.-правовой системы «Гарант».

²³ Кодекс о нормативных правовых актах Чукотского автономного округа : закон Чукотского автономного округа от 24 февраля 2009 г. № 25-ОЗ. Доступ из информ.-правовой системы «Гарант».

²⁴ О практике рассмотрения судами дел об оспаривании нормативных правовых актов и актов, содержащих разъяснения законодательства и обладающих нормативными свойствами : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 25 декабря 2018 г. № 50. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

²⁵ О введении режима повышенной готовности : распоряжение правительства Челябинской области от 18 марта 2020 г. № 146-рп. Доступ из информ.-правовой системы «Гарант».

нию завоза и распространения новой коронавирусной инфекции (COVID-19) на территории Омской области»²⁶.

Согласно современной доктрине права спасение жизни каждого человека во время чрезвычайных ситуаций является основополагающим приоритетом деятельности в любом правовом и социальном государстве. В контексте «легальности» и «эффективности» действий органов государственной власти может происходить диффузия правовых норм в сторону временности, которая может проявляться в различных формах – от ограничения конституционных прав и свобод до экономических и любых других мер, принимаемых во имя спасения жизней и обеспечения безопасности основ жизнедеятельности и государственности²⁷.

На основе проведенного анализа можно сделать вывод о необходимости более внимательного и тщательного подхода к разработке и принятию нормативных правовых актов в условиях чрезвычайных ситуаций. Важно учитывать не только интересы государства, но и права и свободы граждан, а также обеспечить точное определение оснований и пределов возможных ограничений прав и свобод человека и гражданина в соответствии с конституционными нормами.

Несмотря на перечисленные проблемы, государство сумело справиться с вызовами пандемии и принять необходимые меры для защиты населения. Однако в будущем, на наш взгляд, необходимо использовать единые подходы к борьбе с подобными угрозами, уже установленные на уровне федерального законодательства, в том числе в рамках введения чрезвычайного положения.

Библиографический список

Агальцова М. В. Самоизоляция : анализ законности конституционности антивирусных мер // Закон. 2020. № 5. С. 60–70.

Алебастрова И. А. У Конституции есть первородный грех, и наши власти решили согрешить еще // Закон. 2020. № 5. С. 14–18.

²⁶ О мероприятиях по недопущению завоза и распространения новой коронавирусной инфекции (COVID-19) на территории Омской области : распоряжение губернатора Омской области от 17 марта 2020 г. № 19-р. Доступ из информ.-правовой системы «Гарант».

²⁷ См.: Жаворонкова Н. Г., Выпханова Г. В. Правовые проблемы повышения эффективности мер по предупреждению и ликвидации чрезвычайных ситуаций в современных условиях // Журнал российского права. 2021. Т. 25, № 1. С. 111–126.

Винокуров В. А. Санитарно-эпидемиологическое благополучие населения и новая коронавирусная инфекция : проблемы правового регулирования // Медицинское право. 2020. № 4. С. 9–19.

Дзидзов Р. М. Права человека и пандемия коронавируса в России // Конституционное и муниципальное право. 2021. № 9. С. 33–6.

Дорошенко Е. Н. Конституционно-правовые основы ограничения прав человека в связи с пандемией новой коронавирусной инфекции // Актуальные проблемы российского права. 2020. № 12. С. 48–56.

Жаворонкова Н. Г., Выпханова Г. В. Правовые проблемы повышения эффективности мер по предупреждению и ликвидации чрезвычайных ситуаций в современных условиях // Журнал российского права. 2021. Т. 25, № 1. С. 111–126.

Коновалов А. М. Законно ли введены режим повышенной готовности и последовавшие за ним ограничения прав и свобод на территориях субъектов Российской Федерации? // Государственная власть и местное самоуправление. 2020. № 7. С. 32–34.

Кукса Т. Л. Чрезвычайное государственное регулирование распространения COVID-19 в России : бюрократическая логика принятия решений и медиализация повседневности в начале пандемии // Журнал социологии и социальной антропологии. 2020. Т. 23, № 4. С. 183–203.

Лебедев В. А. Конституционные основы ограничений прав и свобод человека и гражданина // Lex russica. 2017. № 1 (122). С. 130–139.

Романовский Г. Б. 2019-nCoV как гибридная угроза системе прав человека // Конституционное и муниципальное право. 2020. № 7. С. 34–38.

Федотова Ю. Г. Реализация мер административно-публичного обеспечения социальной защиты граждан в условиях режима повышенной готовности // Социальное и пенсионное право. 2020. № 3. С. 3–7.

References

Agaltsova M. V. Self-isolation : analysis of the legality of constitutionality of anti-virus measures // Law. 2020. No. 5. P. 60–70.

Alebastrova I. A. The Constitution has an original sin, and our authorities decided to sin some more // Law. 2020. No. 5. P. 14–18.

Doroshenko E. N. Constitutional and legal bases of restriction of human rights in connection with pandemic of new coronavirus infection // Actual problems of Russian law. 2020. No. 12. P. 48–56.

Dzidzoev R. M. Human rights and the coronavirus pandemic in Russia // Constitutional and Municipal Law. 2021. No. 9. P. 33–36.

Fedotova Y. G. Realization of measures of administrative-public provision of social protection of cit-

izens in the conditions of the high readiness regime // Social and Pension Law. 2020. No. 3. P. 3–7.

Konovalov A. M. Is the introduction of the regime of increased readiness and the ensuing restrictions on the rights and freedoms on the territories of the subjects of the Russian Federation legal? // State power and local self-government. 2020. No. 7. P. 32–34.

Kuksa T. L. Extraordinary state regulation of COVID-19 spread in Russia: bureaucratic logic of decision-making and medicalization of everyday life at the beginning of the pandemic // Journal of Sociology and Social Anthropology. 2020. Vol. 23, no. 4. P. 183–203.

Kuksa T.L. Extraordinary state regulation of the spread of COVID-19 in Russia: bureaucratic logic of decision-making and medicalization of everyday life at the beginning of the pandemic // Journal of

Sociology and Social Anthropology. 2020. Vol. 23, no. 4. P. 183–203.

Lebedev V. A. Constitutional bases of restrictions of the rights and freedoms of man and citizen // Lex russica. 2017. No. 1 (122). P. 130–139.

Romanovsky G. B. 2019-nCoV as a hybrid threat to the system of human rights // Constitutional and Municipal Law. 2020. No. 7. P. 34–38.

Vinokurov V.A. Sanitary-epidemiological well-being of the population and a new coronavirus infection: problems of legal regulation // Medical Law. 2020. No. 4. P. 9–19.

Zhavoronkova N. G., Vyphanova G. V. Legal problems of increasing the effectiveness of measures for the prevention and elimination of emergency situations in modern conditions // Journal of Russian Law. 2021. T. 25, no. 1. P. 111–126.

Воронежский государственный университет
Моргачёв М. С., аспирант кафедры административного и административного процессуального права
E-mail: be00er@gmail.com

Поступила в редакцию: 13.07.2023

Для цитирования:

Моргачёв М. С. Постковидный анализ административного нормотворчества субъектов Российской Федерации // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2023. № 4 (55). С. 182–188. DOI: <https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2023/4/182-188>.

Voronezh State University
Morgachev M. S., Postgraduate Student of the Administrative and Administrative Procedural Law Department
E-mail: be00er@gmail.com

Received: 13.07.2023

For citation:

Morgachev M. S. Post-COVID analysis of the administrative rulemaking of the subjects of the Russian Federation // Proceedings of Voronezh State University. Series: Law. 2023. № 4 (55). P. 182–188. DOI: <https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2023/4/182-188>.